

ТЕХНОСОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМНОСТЬ ОБЩЕСТВА: ОТ ЗАКОНОМЕРНОГО ОБЩЕГО К РОССИЙСКОМУ ОСОБЕННОМУ

Управление системой предполагает равноправие необходимости существования ее элементов безотносительно к их соотношению друг с другом по значимости, т. е. элементы системы едины в ее стремлении к самосохранению в окружающей среде и не могут существовать друг за счет друга, у них общая цель – получение ресурсов из окружающей среды. Если система в процессе обмена веществ получает ресурсов меньше, чем отдает, ею невозможно управлять, потому что борьба за существование перемещается из внешнего взаимодействия во внутреннее, и система теряет свою целостность, ее элементы превращаются друг для друга во внешнюю среду борьбы за свое существование.

Взаимодействие общностей, рассматриваемых как техносоциальные системы, предметно выражается во встречных потоках ресурсов, заключающих в себе определенную массу жизни. В этом плане потоки неэквивалентны и в своей совокупности применительно к каждой общности показывают ее место в мировой системе взаимодействия – одни получают из него дополнительные ресурсы жизни, другие выполняют функцию доноров, отдают ресурсов больше, чем получают. Лидирующие общности являются социально консолидированными управляемыми системами и характеризуются последовательной самостоятельной политикой по отношению к другим общностям, направленной на получение дополнительных ресурсов жизни в процессе взаимодействия с ними независимо от конкретно-исторических форм самого взаимодействия. Напротив, отстающие общности социально разобщены, расколоты внутренней борьбой за место в системе отношений господства и подчинения, а потому не могут быть отнесены к разряду управляемых систем, функционирующих на основе самостоятельной последовательной политики в их отношении с окружающим миром.

Под воздействием научно-технического прогресса происходит возрастание масштабов материально-технической системности, и в абстрактной модели можно говорить об образовании единой мировой системы техники, а с учетом взаимоопределяемости социального и материально-технического развития общества речь идет о становлении глобальной техносоциальной системы, регулируемой посредством отношений власти и собственности. В качестве субъектных элементов в техносоциальную систему вписываются не страны, а определенным образом сгруппированные люди (в настоящее время на корпоративной основе). Поэтому идея так называемого мирового правительства имеет объективное основание, но не означает некое наднациональное правительство в рамках современной формы национально-государственного разделения. Вопрос о появлении мирового правительства, как новой формы управления обществом, может рассматриваться только в контексте становления новых

форм социальной дифференциации. Главное в этом вопросе заключается в том, что человечество в целом, независимо от степени его глобализации, принципиально не может быть управляемой системой в силу невозможности выживания всех его членов и всегда будет оставаться социально дифференцированным в рамках непреодолимого отношения “цель – средство”.

Переход к новому технологическому способу производства обуславливает переход к новой организации производства (новой экономической организации), а также к новой системе социальной дифференциации, новым формам геоисторической общности, новым ценностным ориентациям людей и новой экзистенциальности (переживанию индивидами собственного существования в мире). Возможность прогнозирования материально-технического развития определяется степенью системного и комплексного видения функционирования и развития техники в природной и социальной среде. Экстраполяция материально-технического развития в контексте природных оснований техники показывает его объективные пределы в рамках определенного технологического способа производства и возможные направления научно-технического поиска новых способов использования природы в качестве источника ресурсов жизни, а также необходимые изменения в социальной организации общества, соответствующие изменениям в технологическом способе производства. В свою очередь, прогнозирование социального развития позволяет видеть возможные сдвиги в материально-техническом развитии в контексте его социальной детерминации. Научно-технические сценарии, в отличие от научно-фантастических, не отделены от существующей технической реальности неким пробелом неизвестности, а последовательно-логически выводятся из нее.

Разные цивилизации имеют в своей основе разные технологические способы производства. Объективный критерий их сопоставимости один – устойчивость существования общества. В процессе материально-технического развития, в ходе смены технологических способов производства расширяется сфера материального единства общества и природы, т.е. расширяется перечень предметов и процессов природы, вовлекаемых в человеческую жизнедеятельность. В результате стираются локальные цивилизационные различия, и в перспективе по мере все ускоряющегося и уплотняющегося чередования отдельных, фиксированных способов производства формируется единый способ технологической жизни людей, обусловленный, во-первых, единством земной природы, геокосмической среды, во-вторых, глобализацией общественной жизни.

Соответственно, исчерпание глобального технологического способа производства ведет к всеобщему глобальному кризису, который по причине неравномерности материально-технического развития общностей сопровождается обострением борьбы за существование, стремлением некоторых общностей разрешить кризис силовым путем за счет других общностей. Глобализация кризиса делает его постоянным и угрожающим

самому существованию общества. Однако в глобальном материально-техническом развитии на смену ступенчатому чередованию технологических способов производства приходит состояние непрерывного инновационного развития. Вопрос о его пределах остается открытым, но признание неисчерпаемости природы и неограниченности человеческого интеллекта в ее универсальном использовании в качестве источника ресурсов жизни позволяет отвечать на него оптимистически. В конечном счете, все дело сводится к тому, как часто и как сильно общество будет погружаться в состояние социального коллапса.

Итак, тенденции глобального общественного развития состоят в следующем: непрекращаемый рост материального производства и численности народонаселения при увеличении массы избыточного потребления, расширение сферы материального взаимодействия общества и природы при увеличении номенклатуры исчерпаемых ресурсов и разрушающую среду отходов, абсолютное и относительное увеличение затрат на переход к новому технологическому способу производства при сокращении периодов устойчивого существования на его основе, расширение сферы борьбы за существование при общем увеличении разрушительной мощи ее средств. Простая экстраполяция указанных тенденций означает неминуемый глобальный кризис и смену типа мирового цивилизационного развития, однако современные глобальные процессы переживаются человечеством впервые и не поддаются ни теоретическому моделированию, ни теоретически обоснованному прогнозированию в силу отсутствия необходимого и достаточного фактического материала.

Экономика есть система отношений между участвующими (по одиночке или группами) в производстве людьми, представляющих собой процесс обмена результатами производственной деятельности. Поскольку этот обмен не эквивалентен по количеству заключенного в обмениваемых массах ресурса жизни, постольку экономика, как система отношений, является сферой борьбы за существование, в результате которой всегда будут выигравшие и проигравшие, не обязательно связанные друг с другом непосредственно. Следовательно, управление в экономике ограничивается ее отдельными элементами разных уровней, управление которыми направлено на получение прибыли из взаимодействия с окружающей экономической средой, и говорить об управлении экономикой в целом не имеет смысла. Отсюда следует, что экономическая наука не выходит за пределы эмпирического уровня, на котором разрабатываются технологии эффективного, т.е. обеспечивающего получение прибыли, управления определенными экономическими единицами (субъектами) в тех или иных конкретно-исторических обстоятельствах. Экономической теории, как объясняющей модели, позволяющей не только управлять экономическим развитием, но даже теоретически обоснованно прогнозировать его, не существует.

Производственная системность общности никогда не бывает законченной, для завершения ей всегда не хватает каких-либо элементов и

оказывается недостаточной суверенная территория. Соответственно, в общности наблюдается постоянный дефицит ресурсов жизни, создающий социальное давление и толкающий общность к расширению. Поэтому в реальном процессе социального развития конфигурация общностного разделения общества (политическая карта мира) непрерывно меняется. Одни общности распадаются в результате стремления их отдельных элементов освободиться от избыточной нагрузки по поддержанию общей, более широкой для них системности; другие, напротив, объединяются с целью восполнения недостающей системности. Производственные системы сильных общностей перерастают национальные границы и присоединяют к себе отдельные элементы или все производство слабых общностей, которое само по себе не складывается в систему, а образует конгломерат отдельных фрагментов, определяемый, например, природными особенностями территории. Этот процесс социальной дифференциации и интеграции осуществляется посредством силового воздействия, потому что системная полнота одних общностей оказывается возможной только лишь за счет вовлечения в их системность определенных элементов других общностей. В итоге общности с более целостной системностью имеют в своем распоряжении больший жизненный ресурс и социально более консолидированы, а общности с разорванной системностью испытывают хронический дефицит жизненного ресурса и находятся в состоянии постоянного социального напряжения.

Для поддержания целостности общности необходимы либо всеобщая система производственной взаимозависимости, реализуемая в процессе свободного обмена результатами деятельности, либо тотальная система всеобщего контроля. Вне действия техносоциальной формулы общества, физический смысл которой, как мы неоднократно отмечали, состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, т. е. нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести, эти системы поддержания общественной целостности не альтернативны. Однако техносоциальную формулу не преодолеть, а потому в основе общества лежат отношения не взаимного созидательного действия, а взаимной борьбы за существование (за место в системе социальной дифференциации, в социальном пространстве, в системе отношения “цель – средство”).

Системность социального взаимодействия, реализуемая на основе разделения функций, мест в социальном пространстве без отношения господства и подчинения (цель – средство), возможна в лидирующей общности, члены которой получают прибыль, хотя и разную в соответствии с разделением функций, но из общего источника – внешнего взаимодействия общности, т.е. из окружающей социальной среды, состоящей из других общностей. В лидирующих общностях сложилась система взаимозависимости, когда все заинтересованы в контроле контрагентов и конкурентов и все таковыми являются, за счет чего и возможно общественное самоуправление как стержень гражданского общества.

Соответственно, там существует четкая система разделения власти, которая управляет с позиций жизнеспособности всей общности. Внутри таких общностей осуществляется четкое регулирование отношений государством, которое следит за соблюдением законов (правил игры) и вообще регулирует общественную жизнь в интересах системы в целом, а также велика степень доверия, нет необходимости обмана, потому что основной источник прибыли – не партнер по системе. Члены общности объективно заинтересованы в доверии, поскольку оно освобождает от дополнительных расходов на защиту, и все спорные вопросы решаются через суд.

Проще говоря, доверие здесь объясняется не тем, что люди по природе склонны к нему, хотя доверие и становится по прошествии времени ментальной чертой, а потому, что люди объективно взаимозависимы. В условиях лидерства, дающего возможность получения извне дополнительного ресурса и на этой почве всеобщего выживания, доверие упрощает отношения и минимизирует издержки их регулирования. В условиях изолированного существования, когда нет ни дополнительного ресурса извне, ни его утечки вовне, существование общности устойчиво на основе фиксированной социальной дифференциации. Доверие в данном случае, как и нормативность вообще, сакрализовано. В целом доверие повышает внутреннюю устойчивость общности и укрепляет ее перед воздействием внешней среды. В случае подчиненного положения общности, когда часть ресурса жизни уходит во внешнюю социальную среду, которая демонстрирует более высокий уровень жизни, разворачивается внутренняя борьба за существование, вместо доверия мы имеем подозрительность.

У отсталой общности нет дополнительного источника ресурсов во внешней социальной среде, прибыль получается в процессе внутреннего взаимодействия, внутренней борьбы за существование. Соответственно, доверия не может быть в принципе, а через суд регулировать отношения борьбы невозможно, потому что, если он нейтрален, то он не может рассудить, а если не нейтрален, то, значит, он является орудием в чьих-то руках. По той же причине государство в целом не может быть регулятором всей социальной системы, оно объективно защищает, например, в регулировании налогами, чьи-то частные интересы.

Модель идеального общества это общество равных возможностей и свободной конкуренции, подобной спортивному забегу без подножек и прочих запрещенных приемов, когда более успешные помогают менее успешным. Но реализации такой модели мешает то обстоятельство, что всеобщее выживание невозможно, поэтому без насилия не обойтись и всем безуспешным не помочь.

В российском официозе доминирует тезис о необходимости развития демократии как социальной основы, обуславливающей единство России, справедливости, достижение равенства возможностей и преодоление преступности. Это действительно так, но надо учитывать, что последовательная демократия доступна только лидирующему, богатому обществу. Отстающее, бедное общество будет либо патерналистским с

глубокой фиксированной социальной дифференциацией при изолированном положении, либо бандитским при его включенности в открытый мир.

В коммунистической России (Советский Союз) была создана сквозная структура общественного управления, определяемого сверху донизу партией, когда государственные органы выполняли функцию непосредственных исполнителей управления, хотя и был достаточно велик момент дублирования власти. Партия определяла, что и где строить, что и где производить, кому и сколько платить. Но товарно-денежные отношения не позволяли партии директивно определять, кому и что покупать, а значит, соблюсти пропорции спроса и предложения. Тотальное управление общественной жизнью возможно только при военном коммунизме, абсолютно исключая самоуправление и абсолютно неосуществимом в силу неразрешимости проблемы контроля контролеров, потому что, в конечном счете, в обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, а так называемая наиндивидуальная общественная нормативность есть всего лишь среда их взаимодействия, особенности которой каждый использует в своих интересах. Дефицит системности России субъективно выражается в дефиците профессионализма. Сюда же относится утрата личной заинтересованности в эффективном управлении, представленная в прошлом как в рамках сословно-самодержавной структуры общества, так и по узаконенной Конституцией СССР схеме всеобщего партийного руководства. Однако партийный механизм позволял проводить и реализовывать сверху донизу все принимаемые решения за счет того, что вертикаль власти опиралась на социальную базу в лице системы партийных организаций от центра до самых отдаленных местечек и самых маленьких производств, во-первых, связанных жесткой дисциплиной исполнения спускаемых сверху вниз решений, а во-вторых, обладающих монополией управления и контроля на всех уровнях общественной жизни.

При таком рассмотрении становится понятной общественная сущность российской приватизации. Партия была отстранена от властного управления, а государство отменило свою распорядительность экономикой. Система регулируемых производственных связей исчезла, предприятия остались наедине с самими собой и неупорядоченной открытой экономикой. Продукция перестала быть востребованной, денежные отношения заменились бартерными, предприятия закрывались, работники увольнялись. Приватизация оказалась простой по замыслу и сложной по результатам: это был спровоцированный, организованный всеобщий национальный кризис, позволивший осуществить полную перестройку экономики и системы социальной дифференциации. Была ли приватизация именно так задумана – это открытый и уже не имеющий значения вопрос, но простота модели приватизации открылась для понимания на примере кризиса 2008 года, всемирного по охвату, но для России несравнимо менее значимого, чем приватизация.

Для обеспечения социального единства в современной России нет ни сквозного властного управления по причине разрыва между централистской

вертикалью власти и либеральным, основанным на частной собственности обществом, ни сквозной системы взаимозависимости в самом обществе. Иначе говоря, с одной стороны, современное российское государство не способно управлять обществом в условиях частной собственности. Даже если отвлечься от стремления к личному обогащению представителей власти, то все равно она не может эффективно управлять производством в общественных интересах именно в силу его частного характера. Впрочем, персонифицированно представленная власть, не стремящаяся к личному обогащению в условиях всеобщей гонки за собственностью, это нечто иррациональное. Стремление властного сообщества к обогащению (более широко – к удовлетворению личного интереса) в условиях общественной собственности связывалось с понятием карьеризма, имевшим негативную оценку в массовом сознании. Монополия власти при частной собственности необходимо ведет к сословному обществу. В Советском Союзе компартии принадлежала монополия управления собственностью, но личное владение ею было строго ограничено. Одновременно, с другой стороны, российское общество не способно к самоуправлению с помощью государства.

Таким образом, модель гражданского общества в России, провозглашаемая либеральной оппозицией, не имеет объективных оснований, потому что отсутствует система взаимозависимости и свободных отношений между членами общества, и если реализовать эту модель, т.е. разрушить вертикаль власти, это будет означать развал России. Вместе с тем, идеологические послы самой власти о демократии и толерантности остаются бессодержательными и просто безадресными.

Национальная идея непосредственно выражается в самоидентификации людей по принадлежности к общности. Для маленького народа национальная идея заключается в его признании и уважении. Для большого народа она состоит в признании его величия. Применительно к России, как и к Российской империи и Советскому Союзу, величие состоит в страхе перед ними окружающего мира, и самоидентификация людей основывалась на чувстве превосходства. В условиях глобализации и рудиментарности страха окружающего мира перед Россией, переходящего в пренебрежение, позитивное содержание самоидентификации населяющих ее людей все менее связывается с фактом принадлежности к России. Остается в лучшем случае стремление к признанию и уважению со стороны социального окружения по сугубо личностным качествам человека самого по себе, а в худшем случае самоидентификация базируется на позиционировании антироссийского образа мысли и действия.

Устойчивость существования многонациональной общности требует объединяющего интернационального или наднационального начала. Интернациональное (межнациональное) единство членов общности возможно при наличии общего интереса в занятии ею какого-либо особого положения в системе отношений с другими общностями: минимально – независимости и равенства, максимально – лидерства и господства. Наднациональная объединяющая сила нужна при изолированном или

подчиненном существовании общности. Положение России в мире конца XX – начала XXI веков характеризуется сплетением изолированности и зависимости, но в ней нет ни общего объединяющего интереса, ни наднациональной скрепляющей силы. Выход один – определить целевую модель развития России (изолированная самостоятельность, подчиненность или лидерство) и в соответствии с нею найти либо объединяющий межнациональный интерес, либо скрепляющую наднациональную силу.

В контексте модернизации объективная причина такого особенного положения России состоит в ее фактической бедности. Богатства природы, на которые обычно ссылаются, будь это хоть несметные сокровища, становятся реальным богатством, когда они пущены в производственный оборот на передовом уровне материально-технического развития. Такого рода богатства в России крайне мало, не говоря уже о собственности, созданной исключительно высокопрофессиональным, прежде всего интеллектуальным, трудом и потому широко востребованной. Для автономного существования России недостаточен масштаб ее материально-технического развития, а вписаться на равных в мировую техносциальную систему мешает технологическая отсталость. Следовательно, строго говоря, главная задача модернизации России состоит в том, чтобы сделать ее богатой. Но для этого она, прежде всего, должна быть единой. Таким образом, из двух вышеуказанных путей к единству остается один – установление наднационального, надрелигиозного и другого транссоциального начала.

Система советского социализма оказалась поверженной, а вместе с ней распалась и сама историческая общность, существовавшая в качестве государственного образования в виде Советского Союза (ранее – Российской империи). По ряду нормативных показателей Российская Федерация является преемницей Советского Союза (Российской империи), однако фактически она, будучи осколком, хотя и самым крупным, или даже ядром распавшейся общности, представляет собой новое, качественно иное общностное образование. Период борьбы за господство старого и нового порядка можно считать завершенным. Нескончаемая борьба за власть, продолжающая захлестывать Россию, теперь уже имеет другие основания, соответствующие содержанию новой социальной реальности.

Вхождение России в европейский цивилизованный мир осуществилось в XVIII в. силовым путем, выход на передовые рубежи цивилизованности в основном произошел в духовной сфере, в экономическом и политическом развитии Россия продолжала отставать. Однако в дореволюционной (царской) России социальная база высокой культуры и сопутствующего ей сильного экзистенциального накала (ощущения несправедливости бытия), т.е. переживания по поводу расхождения между высокой духовностью и низким уровнем материальной жизни и социальной

организации, была очень узкой и не оказывала существенного влияния на социальную действительность. В послереволюционной России (СССР) цивилизационный прорыв продолжился, страна достигла высоких показателей материально-технического развития и совершила культурную революцию, обеспечив всеобщую грамотность и высокий уровень образования. Господство идеи социального равенства и принадлежности к самому передовому обществу, возможность реализовать свои способности и получить соответствующий социальный статус обусловили социальную и экзистенциальную стабильность советского общества. Но ресурс такого устойчивого социального существования исчерпал себя в исторически короткий срок, его не хватило даже на полную жизнь одного поколения.

В настоящее время для сохранения целостности Российской Федерации экономических оснований имеется не больше, чем было в распоряжении Советского Союза, и наоборот, оснований для распада России сейчас не меньше, чем их было для распада СССР. Главную роль в развале СССР сыграла персонифицированная борьба за власть в условиях общего усиления власти на местах по мере ослабления центральной власти, а его деление на самостоятельные государственные образования по этническим, культурно-историческим основаниям явилось лишь формообразующим фактором. Другое дело, что само ослабление центральной власти в СССР не было исторической случайностью или субъективной издержкой, – исчерпала себя действовавшая в нем форма общественной организации в условиях складывания новой социальной реальности в мире под влиянием научно-технической революции, а реформировать ее монополярная партийная власть оказалась неспособной. Следовательно, с одной стороны, распад СССР оказался неизбежным, но с другой стороны, развитие Советского Союза, как страны, не было безальтернативным. Развал страны – вот главный итог крушения СССР. Он отбросил на периферию мирового развития большинство составлявших его республик, и, по-видимому, бывшие граждане некогда великого государства еще не осознали весь трагизм и масштабы исторической катастрофы, участниками которой они оказались, – возможно, потому, что еще не проявились все ее исторические следствия.

. Вместе с политическим расчленением Советского Союза произошел и распад единой материально-технической системы на отдельные "суверенные узлы и механизмы". Однако, если бы была действительно органичная система, то невозможно было бы разделить, подобно тому, как невозможно из частей одного большого механизма сделать несколько малых механизмов. Но именно недостаточность системной целостности, наличие относительной региональной замкнутости в силу больших пространств и недостаточно

развитой инфраструктуры, в силу местничества и ведомственной разобщенности, обусловивших наличие множества дублирующих элементов и связей в виде параллельных производств и пр., частично компенсировали ущерб от механического расчленения единой материально-технической системы, позволили сохранить жизнеспособность частям и начать процесс регенерации, превращения в самостоятельные системы.

Просто восстановить старые связи на новой основе невозможно, потому что раньше это были связи в границах одного политического и экономического целого, вместо которого появилось множество самостоятельных политических целых, не позволяющих сохранить существовавшие ранее экономические связи в их полном объеме. Поскольку вместо единой материально-технической системы образуется множество материально-технических систем, постольку образуется и множество экономических пространств. Взаимодействие этих материально-технических систем друг с другом теперь отличается от их взаимодействия с другими материально-техническими системами мира в той мере, в какой ближнее зарубежье отличается от дальнего, и это отличие должно уменьшаться. Соответственно и понятие единого экономического пространства в этом случае немногим отличается от единого мирового экономического пространства.

В свою очередь, единое политическое пространство необходимо предполагает единое регулирование внешних и внутренних взаимоотношений в полном объеме функционирования и развития общества, – единая оборона, единые права, единый порядок, – требует того, чем больше всего до сих пор пугают взрослое население, – единого центра. Исторически мы проходили это дважды: в виде Московии – России после освобождения от татаро-монгольского ига и в виде Союза ССР после революции 1917 года. По какому пути пойдём сейчас – этого никто не знает, потому что этого пути еще нет на карте истории.

Единое экономическое пространство, о котором сейчас так много говорят, основано на единой материально-технической системе, и без единого политического пространства оно так же невозможно, как единое хозяйство и функциональная специализация всех помещений в коммунальной квартире, заселенной разными семьями. Это пространство не может держаться лишь на взаимовыгодных торговых связях, когда выгода обусловлена слабой конкурентоспособностью на мировом рынке, хотя и это тоже имеет определенное значение. Восстановление единого

экономического пространства означает реконструкцию исторически сложившейся системы общественного разделения труда, но без центрального органа директивного управления и в меньшем объеме за счет ликвидации искусственно поддерживаемых ранее связей. Ограничивающим новую интеграцию фактором является также стихийный сырьевой поток из бывших союзных республик в дальнее зарубежье.

Ясно, что все это связано с большим количеством противоречий, обусловленных общей кризисной ситуацией, когда участники предполагаемого экономического союза будут стремиться решать свои проблемы не только за собственный счет. Поэтому одного лишь рыночного регулирования здесь недостаточно и без полномочного органа управления целостность и устойчивость экономического пространства не обеспечить. А вообще для всесторонней интеграции сейчас нет объективных условий, – слишком различны субъекты взаимодействия, несмотря на провозглашенную когда-то принадлежность к одной исторической общности. С позиций сегодняшнего дня становится все более ясно, что в свое время надо было бы действительно сливаться в одну общность, а не образовывать союз общностей, либо сразу же отказаться от централизованного управления. Попытка совместить несовместимое закончилась неудачей.

Целостность материально-технического развития, в зависимости от ее степени и характера, уже сама по себе определяет эффективность использования ресурсов всех видов – от сырьевых до интеллектуальных. Недостаточность материально-технической целостности всегда наглядно проявлялась во всякого рода ведомственном дублировании производства с его бесконечными встречными перевозками, с неизбежной неполнотой общенациональной инфраструктуры, с непреодолимой инерцией затратного механизма вообще, постоянно грозившей пустить народное хозяйство "в разнос". Поэтому всегда звучали призывы и издавались постановления о сосредоточении усилий на выпуске конечного продукта, развитии дорог и транспорта, расширении средств связи, строительстве хранилищ и т.п. Иначе говоря, рационализация структуры материально-технической целостности уже есть дополнительный источник, хотя он и не может открыться сразу.

Основной парадокс централизованной командно-административной системы в том и состоял, что прежде всего страдала именно целостность не только материально-технического, но всех сфер общественного развития. В условиях рыночного регулирования, когда, казалось бы, нет народнохозяйственного комплекса как единого объекта непосредственного

управления, а есть просто общее экономическое пространство, в усилении материально-технической целостности объективно и субъективно заинтересованы все участники материально-технического развития.

В ходе функционирования и развития общности накапливается масса непроизводящих элементов, функция которых сводится к поддержанию ее целостности. Характер целостности является одной из составляющих геоисторической формулы общности. У России в этом смысле неблагоприятная формула: большая и резко дифференцированная территория, значительная часть которой неблагоприятна по условиям жизни и ведения хозяйства; объективно обусловленная недостаточность коммуникаций; непреодолимо глубокая социальная дифференциация населения, – все это и ряд других объективных и субъективных факторов требует расходования дополнительных ресурсов для поддержания целостности России, и глобализация мировой экономики, сопровождающаяся либерализацией всей общественной жизни, оказывается разрушительной силой, воздействующей на российскую целостность.

Проблемы национальной безопасности России в данном плане имеют еще и региональный аспект, поскольку отношения между ее регионами как субъектами Федерации по сути дублируют межобщностные отношения в мире. Перепады уровней развития регионов весьма велики, их геоисторические формулы существенно различны. Централистская командно-административная система обеспечивала целостность России, в условиях же внутренней и внешней открытости остается открытой и сама проблема существования России как единого целого.

Например, может ли быть Россия однородно-рыночной страной? На этот принципиальный экономический и политический вопрос отвечают по-разному, исходя из тех или иных интересов. Но возможно ли это теоретически при существующем уровне материально-технического развития? Если “да”, то регионы могут экономически, политически, социально и культурно равными за счет специализации в производстве ресурсов жизни. Это подразумевает эквивалентность обмена разными видами деятельности, когда на получение единицы жизненных ресурсов в любой их форме и любом месте затрачивается одно и то же количество труда. Тем самым обеспечивается именно органическая, саморегулируемая целостность России, а понятие регионального донорства теряет смысл. То же можно сказать и о межотраслевой структуре. В итоге мы имеем одну модель государства и его регулирующих функций, осуществляемых исключительно

за счет налогов, собираемых в общих интересах на добровольной основе. Политика здесь обслуживает экономику.

Если же российские регионы при максимуме их оптимальной специализации на основе современного типа материально-технического развития в силу их природных различий остаются разноуровневыми по затратам труда на создание единицы жизненного ресурса, то Россия теоретически не может быть однородно рыночной, и ее целостность, соответственно, не может быть органичной и саморегулируемой. В этом случае мы имеем качественно иную модель государства как регулирующего механизма. Для сохранения целостности страны и решения объективно общезначимых проблем (например, обеспечение дотационных регионов, ликвидация последствий техногенных катастроф и стихийных бедствий) рыночного источника получения ресурсов жизни уже недостаточно.

Россия, как ранее СССР, испытывает постоянное внутреннее напряжение на разрыв, непрекращающееся действие силы распада, преодолеваемое скрепляющей силой центральной власти, способной обеспечить единство страны как субъекта социального взаимодействия. Понятие сильной власти в России предполагает реальную возможность подавления тенденций к сепаратизму и регионализму, проистекающих из объективной недостаточности экономических оснований ее целостности, что, в свою очередь, вызвано недостаточным уровнем материально-технического развития для сглаживания (компенсации) природных различий, естественной дифференциации территории России, являющейся зачастую главным фактором социальной дифференциации населения. За сохранение целостности по принципу “любой ценой” приходится расплачиваться допущением элементов регионального иждивенчества, доходящего до возможности жить за чужой счет.

Исходя из географических и демографических условий развития современной России и ее особого места в геополитическом мировом пространстве, создание устойчивой общественной системы, саморегулируемой на основе последовательно реализуемых принципов либерализма, в обозримом будущем представляется маловероятным. Соотношение тенденций демократизма и либерализма – с одной стороны, авторитаризма и централизма – с другой, определяется не столько внутренними, сколько внешними движущими силами развития России. Либерализм в современных условиях не обеспечивает главного – сохранения

устойчивой самостоятельности в системе внешней социальной дифференциации.

Соблюдение государственных интересов по выходу на мировой уровень материально-технического развития исторически связано с централизмом, хотя это всегда имело характер штурма, рывков, требовало перенапряжения сил и никогда не было, во-первых, всеобъемлющим и, во-вторых, долговременным. Тем не менее, сам этот механизм ясен. Наоборот, конкретно-исторический механизм достижения Россией мирового уровня материально-технического развития на базе либерализма неясен, потому что в этом случае не действует, как фактор, национальный интерес. Ведь не некие государства вывозят из России сырье и ввозят ядовитые отходы, – это делают наши российские фирмы, – то есть мы сами как бы продаем и отравляем себя, противопоставляя частный коммерческий интерес национальному. А то, что это делается с купленного благословения и при непосредственном участии государственных чиновников, совсем не означает порочности самого принципа государственности. Как, впрочем, и сам факт доминирования государства еще не означает доминирования государственности как таковой. Централизм не может быть ограничен одной только политической сферой, попытки построения социального целого из блоков политического централизма и экономического либерализма имеют смутную историческую перспективу.

Для России централизм есть историческая необходимость как в плане установления и поддержания единых норм общественной жизни (правил игры) внутри, так и для обеспечения внешних благоприятных условий ее существования. Однако эта объективная необходимость централизма в России, связанная с ее особенностями как интегрированного целого, никак не может перекрыть его объективного отрицания, связанного с неспособностью обеспечить эффективное управление дифференцированным целым. В осознании данной пока что неразрешимой проблемы выбора между централизмом и либерализмом, пожалуй, и состоит ощущение исторической безысходности российской общности.

Советский централизм держался на фактическом полновластии партии, и государство было только проводником решений ее руководящих органов. Это был мощный механизм, обеспечивающий заданную структуру материально-технической целостности народного хозяйства. Теперь нет ни такой партии, ни такого государства – старый механизм сломан. Рынок, как регулятор целостности, еще не созрел и в своем нынешнем виде скорее

разрушает ее, чем создает, на первый план сейчас вышла проблема укрепления новой государственности как гаранта общественной целостности вообще.

Создание системы общественной жизни на одних только экономических отношениях неосуществимо в принципе в силу ограниченности силы экономического принуждения. Без нормативности внеэкономического принуждения сохранить целостность общности и удержать ее в границах определенного порядка невозможно. Также невозможно обойтись и без экономических отношений. Весь вопрос в том, каково соотношение экономического и внеэкономического регулирования системы общественных отношений. Для России на протяжении всей ее истории характерно преобладание внеэкономического принуждения, реализуемого в системе иерархического строения общества. В ее основе лежит так называемая вертикаль власти, поддерживаемая определенной социальной силой: царская власть – служивым помещичьим сословием, советская власть – партийной организацией, нынешняя президентская вертикаль власти пока что такого силового наполнения не имеет, поскольку отсутствует достаточная социальная база власти, и вообще еще не сложилась устойчивая социальная структура России в ее нынешнем состоянии.

Россия, как и мир в целом, корпоративно разделена и разобщена по схеме “цель – средство”, где объективно не может быть места стремлению к единству, где последовательный эгоизм, жизнь за счет других являются естественной нормой индивидуального и корпоративного существования, где за один и тот же труд люди получают разное вознаграждение, потому что они принадлежат к разным структурам, разделяющимся, прежде всего, на государственные и частные. Борьба между властью и собственностью, как двух главных корпораций в России, направлена на подчинение одного другому. Подчиненность собственности государству является исторически традиционным, проверенным и оправдавшим себя состоянием, а подчиненность государства собственности несовместима с сохранением целостности России. Но пока что государство в этой борьбе с собственностью, во-первых, далеко от последовательного выдерживания широких национальных интересов, во-вторых, оно чаще идет на компромиссы и уступки и во многом выполняет функции не главного распорядителя общности, а наемного управляющего, обеспечивающего корпоративное право одних слоев населения жить за счет других, оно не может обеспечить равные условия существования своих граждан. В принципе государство не является орудием в чьих-то конкретных руках, но оно недостаточно сильно само по себе, а потому вынуждено действовать в частных интересах.

Современная форма служения власти и ее подконтрольности в России почти условны – служение и подотчетность странной для России категории населения – избирателям. Царь никем не избирался и никому не служил,

кроме Бога; компартия тоже никем не избиралась, но служила народу; президент избирается частью электората, но тоже служит народу; остальные избираются или назначаются и служат избирателям или начальству. Строго говоря, выборная власть адекватна экономическому регулированию отношений социальной дифференциации. Применительно к России это означает: при изоляции невозможны экономическое регулирование и выборность власти, а целостность подвержена угрозе внеэкономического разрушения извне; при полнометражном вписывании в глобальное открытое общество целостность подвержена угрозе разложения изнутри. Вот подлинная российская альтернатива. Однако зависимость существования России от характера ее отношений с внешним миром компенсируется особенностью ее места и значимости в этом мире. Не будь этой особенности, не было бы и России.

Централизм удерживает целостность России, но сопровождается разного рода нарушениями абстрактно-гуманитарных норм, насильственными действиями по отношению к обычным, рядовым гражданам. Бесправие маленького человека – вот зло централизма. Единственное, что оправдывает безжалостность диктатора – централиста к другим – это его безжалостность к себе. Власть, которая просто манипулирует своими маленькими людьми, не может считаться централистской.

Анализ централизма и либерализма вообще и тезис о необходимости, закономерности централизма в России, в частности, ни в коей мере не содержит и не предполагает ценностных суждений. Здесь присутствует сугубо рациональное рассмотрение вопроса. Разумеется, и централизм, и либерализм имеют свои плюсы и минусы с точки зрения интересов конкретных групп людей. Более широко, за пределами обстоятельств бытия конкретных общностей так можно говорить лишь в том смысле, что свои плюсы и минусы имеет человеческий способ жизни вообще, как, впрочем, и сама жизнь как таковая.

В целом можно сказать, что в настоящее время в России нет организованной политической силы, достаточно полно выражающей ее национальные интересы и опирающейся на широкую социально-экономическую базу. Возможно, это объясняется объективной противоречивостью геоисторической формулы России, не позволяющей соединить в рамках современной цивилизации свободу внутреннюю и

свободу внешнюю. Наверное, потому и была ее судьба всегда крепко связана с появлением личностей, на какое-то время вздыбливающих страну.

Объективная противоречивость общественного развития, мучительность выбора между централизмом и либерализмом обуславливает непрекращающиеся попытки провозглашения некоего третьего пути. Для России они особенно типичны, и русская общественная мысль всегда претендовала на то, чтобы открыть и показать миру этот третий путь, установить его у себя и предложить пойти по нему всему человечеству.

Идеи либерализма и сильного государства на первый взгляд кажутся несовместимыми. Вместе с тем, в лидирующих общностях свобода граждан и сила государства находятся в отношении прямой пропорциональности, ибо именно государство обеспечивает с помощью диктатуры закона независимость друг от друга членов общности и их привилегированное положение по отношению к членам менее развитых общностей. В России единство либерализма и государственности всегда было нонсенсом, потому что сила государства всегда означала диктатуру кого-то над кем-то, осуществляемую на той или иной социальной базе, будь то княжеская дружина, царские опричники, помещичье сословие или однопартийная система с ее диктатурой совести. И всегда эта внутренняя структура сочеталась с активной, воинствующей внешней политикой. Соответственно, реализация либерализма в России никогда не шла дальше смуты внутри и обессиливания вовне.

В лидирующих общностях нет левых и правых как социальных антагонистов. По существу там двухпартийная (двухблоковая – при множестве разнородных партий) система, применительно к которой понятие центра бессмысленно, – функции центра часто выполняет монархия. Две партии (два блока) – это территориальные, производственные, этнические и пр. конкуренты, сменяющие друг друга у власти в соответствии с объективной цикличностью, периодичностью экономического, социального, политического развития. Смысл демократии состоит в саморегулируемой сбалансированности общественных сил, а не в их уравновешенном, но напряженном и взрывоопасном равнодействии. Идея политического центра в России как межпартийного, независимого (надпартийного) – это идея просто власти, центральной власти как абсолютной власти, которая в России никогда и не была партийной. Межпартийный центр предполагает опору на большинство политически однородного населения, но для глубоко дифференцированной России это мираж. Центр в России не имеет

политических флангов, такими флангами в ней были и остаются западники и славянофилы. Для России левые и правые тоже нетипичны, их появление связано с периодами кризисов, переломов, безвластия, безвременья в XX веке. В России власть больше, чем власть. Власть в России – это все.

Удастся ли соединить либерализм и государственность в современной России? Это определится характером социальной опоры государства и содержанием внешней политики. То и другой сейчас не определить, потому что еще не сложилась социальная база сильного государства. Геоисторическая формула России дает очень узкий диапазон возможных вариантов, среди которых более или менее явственно просматривается композиция с преобладанием силуэтов, испещренных пятнами камуфляжа.

Государство может управлять экономикой с собственностью и без собственности. Приватизация – освобождение от собственности, но вместе с собственностью ушло и управление. Если экономика системно организована, то ею можно управлять и без собственности. Российская экономика системно не организована. Тенденция к управлению через увеличение собственности. Но это уже было. В СССР – управление через собственность, но системности экономики не было.

Рассуждения о криминальном капитале. Какова его доля в экономике (не некоего теневого производства, а именно бандитского по происхождению капитала). Наверное, это не имеет значения в том плане, что как только деньги уходят в производство, то их прошлое стирается. Далее насилие и получение прибыли законными средствами. Деньги из сферы непосредственного насилия переходят в сферу опосредованного насилия, приумножаются, а просто бандитская добыча просто тратится. Как только денег становится много, так сразу же ищутся пути их легального приумножения, но чаще начинается в криминальной сфере, там больше прибыль – наркотики, проституция, мошенничество и пр. Но все равно тенденция к включению в легальный бизнес. Есть и обратное направление – конкуренция в легальном бизнесе силовыми методами, с убийствами и пр. Так что объективно для России наиболее значимо становление системной экономики, это путь вперед, а борьба за восстановление утраченной справедливости все вернет назад, к старым проблемам. Мертвых не воскресить, нагребленное не вернуть, потому что некому.

